

AGILE

НОЯБРЬ
2025

ADVANCING MEDIA RESILIENCE

Информационная Среда в Центральной Азии:

Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и
Таджикистан

Co-funded by
the European Union

MEDIA
DEVELOPMENT

Спрос и предложение информации в Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан

В Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане предоставление информации характеризуется государственным контролем, ограничительными законами и репрессиями в отношении влиятельных СМИ, слежкой и периодическими перебоями в работе Интернета, что ограничивает доступ к независимой, разнообразной и поддающейся проверке информации.

Эти ограничения определяют, что может быть опубликовано, что будет широко освещаться, а что замалчиваться, и вытесняют деликатные дискуссии в закрытые каналы, где проверка информации менее эффективна, а подотчетность ограничена. Дезинформация распространяется через внутренние и трансграничные потоки, включая нарративы, связанные с Россией и Китаем, которые сливаются с местными политическими сообщениями и эксплуатируют социальные разногласия; участники медиа-сектора во всех четырех странах также сообщают о том, что, по их мнению, правительства являются одними из основных создателей и распространителей дезинформации.

Там, где основные СМИ не предоставляют полезных указаний, гражданские организации заполняют основные пробелы. Они производят практическую информацию, основанную на правах человека; предоставляют юридическую помощь; развивают навыки проверки и медиаграмотности; поддерживают ресурсы открытых данных, когда официальные данные отсутствуют или удалены; и осуществляют локализованную, многоязычную информационно-просветительскую работу с группами, исключенными из-за языка, географического положения или стигматизации. Их роль заключается в предоставлении услуг и доступе к ним, и она наиболее важна там, где государственные каналы вызывают недоверие, недоступны или неполны.

В отдаленных районах доставка информации на последнем этапе зависит от надежных посредников, встроенных в местные органы управления и общинные структуры. Эту роль в Казахстане и Кыргызстане выполняют Акиматы, в Узбекистане — Хакиматы и Махалля, а в Таджикистане — структуры, возглавляемые раисами, и советы старейшин.¹ Эти каналы эффективно расширяют охват, но они также могут не намеренно усиливать дезинформацию, воспроизводить предвзятость и передавать нарративы, на которые влияет правительство, как консенсус сообщества. Они также редко включают женщин и людей с инвалидностью в процесс принятия решений в сообществе, причем качество представительства значительно варьируется от одного района, региона или страны к другому.

¹ Un akimat est l'organe exécutif local au Kazakhstan et au Kirghizistan, qui fonctionne comme une administration régionale ou municipale dirigée par un akim (gouverneur/maire). En Ouzbékistan, la structure exécutive équivalente est l'okimiyat, tandis qu'un mahalla désigne une unité communautaire au niveau du quartier et une forme d'auto-organisation locale. Au Tadjikistan, rais désigne un dirigeant exécutif local ou un président.

Цифровые платформы все чаще предпочитают охват надежности, повышая авторитет блогеров и неформальных влиятельных лиц, которые часто опережают официальные каналы. Их преимущество заключается в распространении информации, обусловленном динамикой коротких форм и высокой частотой публикаций, но надежность является непостоянной, поскольку стандарты поиска источников, проверки и исправления неравномерны. Блогеры также все чаще становятся мишенью тех же репрессивных инструментов, которые используются против журналистов, что снижает независимый охват информации без улучшения ее качества.

Доступ к интернету также зависит от инфраструктуры и дизайна услуг. Инициативы по развитию широкополосного доступа в сельских районах, в том числе DARE в Казахстане и Digital Foundations в Таджикистане, направлены на устранение пробелов в покрытии, но сталкиваются с ограничениями по доступности и мощностям, которые сдерживают их эффективное использование. Правительственные порталы электронных услуг, в том числе Tunduk в Кыргызстане и MyGov в Узбекистане, расширили доступ к процедурам и официальным рекомендациям, но их внедрение отстает из-за ограниченной осведомленности, барьеров в использовании, неполного языкового покрытия и сохраняющихся пробелов в доступе в сельских районах.

Спрос на информацию сосредоточен вокруг насущных потребностей и в большей степени определяется привычками использования платформ, чем институциональной надежностью. Уязвимые группы населения в наибольшей степени полагаются на социальные сети и телевидение, в то время как межличностные сети по-прежнему играют решающую роль в интерпретации и принятии решений; эти сети могут преобразовывать сложные указания в понятные на местном уровне рекомендации, но они также ускоряют распространение слухов, когда доверенные коллеги распространяют непроверенные утверждения. Традиционные формы собраний (социальные мероприятия) остаются частью этого межличностного уровня — айтыс в Казахстане и Кыргызстане и мероприятия типа «гап», «ташкил» и «чайхана» в Узбекистане и Таджикистане — предоставляя постоянные площадки для обмена новостями сообщества, практических советов и неформальной интерпретации национальных событий.

Во всем регионе предпочтительным — и зачастую наиболее надежным — форматом являются короткие, визуально привлекательные видеоролики, что смещает влияние в сторону платформ с широким охватом, оптимизированных для роликов и клипов в стиле TikTok, и от текстовых официальных сообщений. Это пересекается с явной фрагментацией аудитории: старшее поколение предпочитает Facebook как для доступа к информации, так и для ее публикации, а молодая аудитория предпочитает такие платформы, как TikTok и Instagram, для ее потребления, что создает структурное несоответствие между тем, где производится информация, и тем, где ее ищут аудитории с высокой потребностью. Цифровой разрыв сохраняется, несмотря на растущее проникновение Интернета и широкое использование смартфонов; пробелы в подключении в сельских районах и ограничения по доступности превращают номинальный «доступ» в прерывистое потребление низкого качества, а не в надежную интеграцию.

Области информации, пользующиеся наибольшим спросом, одинаковы во всех четырех странах: общественные услуги, здравоохранение (особенно для женщин) и рабочие места (особенно для мужчин) в соответствии с преобладающими нормами поставщиков. Женщины сталкиваются с культурными и логистическими барьерами в доступе к информации о здоровье, уровень знаний о профилактической медицине остается низким, а кампании часто носят краткосрочный характер, что приводит к устойчивым пробелам в ранней диагностике и плановом медицинском обслуживании. Информационные потоки о занятости остаются в значительной степени неформальными, при этом личные контакты контролируют доступ и подрывают равенство для мигрантов,

сельских жителей и маргинализированных групп с меньшим количеством связей, даже там, где существуют онлайн-каналы поиска вакансий.

Основная проблема заключается не в дефиците контента, а в разрыве между каналами поставки и реальностью потребления.

Государственные системы и традиционные СМИ часто используют для коммуникации форматы, ориентированные на учреждения и содержащие большое количество текста, в то время как уязвимые группы населения потребляют информацию через короткие видеоролики, приложения для обмена сообщениями, межличностное подтверждение и местных посредников. Для улучшения доступа к информации необходимо согласовать ее с Telegram, короткими видеороликами и надежными региональными структурами, одновременно снижая предсказуемые риски: распространение дезинформации, манипулирование платформами и исключение женщин и людей с ограниченными возможностями из процесса принятия решений и распространения информации.

Ограничения прав и давление на СМИ в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане

Информационная среда в Центральной Азии ограничена правовым контекстом, который сдерживает плюрализм. В Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане авторитарное правление, политика национального строительства и нетерпимость общества систематически сужают круг тем, о которых можно сообщать, обсуждать и безопасно делиться, причем зачастую самые высокие издержки несут маргинализированные сообщества.

Свобода вероисповедания жестко контролируется государством, которое осуществляет надзор за богослужениями, образованием и религиозной литературой, что несоразмерно сказывается на не доминирующих группах и наказывает независимую религиозную жизнь. Этнические и языковые меньшинства сталкиваются с исключением из-за политики в области образования, ограничений в СМИ и периодических репрессий, причем явные точки давления включают этнических узбеков в Кыргызстане, памирцев в Таджикистане и каракалпаков в Узбекистане. Ограничения, связанные с языком, сокращают доступ к государственным услугам и достоверным новостям, увеличивая зависимость от неформальных посредников и каналов, склонных к распространению слухов.

Сообщества ЛГБТКИ+ по-прежнему остаются крайне уязвимыми во всем регионе. В Узбекистане однополые отношения между мужчинами криминализированы, а в других странах стигматизация и ограниченная защита способствуют преследованиям и насилию с минимальной ответственностью. Дезинформация, направленная против групп ЛГБТКИ+, используется для создания моральной паники и оправдания ограничительных мер, что еще больше сужает безопасный доступ к информации. Ярким примером этой тенденции является закон, направленный против «пропаганды» ЛГБТ, который был принят в Казахстане в конце 2025 года.

Динамика в конкретных странах усиливает риск. В Казахстане рост количества ненавистнических высказываний в интернете и ужесточение наказаний за «ложное информирование» создают механизмы правоприменения, которые могут ограничить свободу законного выражения мнения. В Узбекистане политическая дезинформация и

кибермошенничество растут в условиях неравномерной цифровой грамотности, постоянного надзора и контроля над финансированием, что ослабляет независимые СМИ и контроль со стороны гражданского общества. Таджикистан остается самым ограничительным случаем, сочетая централизованный надзор над интернетом, высокую стоимость данных и частые отключения, которые делают альтернативные источники ненадежными и усиливают зависимость от официальной информации.

Журналистика находится под постоянным давлением во всех четырех странах. В последние годы участились аресты, судебные иски, рейды и блокировка сайтов, что привело к снижению рискованности репортажей и ослаблению возможностей для расследований. Политическое вмешательство, концентрация собственности, ограниченные ресурсы и повсеместная самоцензура еще больше снижают глубину проверки и делают исправления непоследовательными.

Основные возможности заключаются в практических мерах, которые повышают инклюзивность и доверие. Существуют программы по повышению цифровой грамотности, но они часто уделяют больше внимания безопасности и соблюдению правил, чем критическому анализу и процедурам проверки, в результате чего уязвимые пользователи остаются неподготовленными. Форматы, доступные для людей с ограниченными возможностями, контент на языках меньшинств и руководства по обслуживанию на простом языке по-прежнему редки, что ограничивает охват наиболее изолированных групп населения.

Доверие можно укрепить с помощью стандартизированных практик, которые в настоящее время являются слабыми или неравномерными: прозрачный подбор источников, видимая политика исправлений и регулярные публикации «мифы против фактов» в каналах, которые используют люди.

Донорская поддержка часто финансирует краткосрочные кампании; необходимы постоянно действующие информационные службы, ориентированные на ключевые показатели эффективности, которые обеспечивают непрерывную навигацию по услугам, проверку и руководство по правам. Расширение связи помогает, но не обеспечивает инклюзивность без защиты прав, многоязычного доступа и постоянной доставки информации, ориентированной на общество.

Согласование каналов, снижение барьеров, связанных с затратами, и усиление подотчетности для улучшения информационной среды в Центральной Азии

Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан

Заинтересованные стороны в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане описывают одну и ту же практическую проблему: достоверная информация существует, но она редко поступает в форме, доступной для уязвимых групп населения, понятной им и позволяющей им действовать. Когда информация все же доходит до них, она часто содержит слишком много текста, предоставляется на непонятном языке, связана с дорогостоящим использованием данных или передается по каналам, которые они не используют, что оставляет место для слухов, манипуляций и мошенничества, которые

распространяются быстрее, чем проверенные рекомендации. Приведенные ниже рекомендации отражают эту реальность и объединяют наиболее последовательные выводы на страновом уровне, сделанные гражданскими общественными организациями, представителями СМИ и отраслевыми экспертами.

Информация о вакансиях неоднократно упоминалась как структурно ограниченная. Предлагаемое решение заключается в том, чтобы сделать вакансии общедоступными, стимулируя работодателей публиковать их — посредством налоговых льгот или значков видимости — и требуя указывать диапазон заработной платы, чтобы сократить неформальные переговоры и контроль со стороны сетей. Заинтересованные стороны подчеркнули, что меры по обеспечению прозрачности имеют значение только в том случае, если они приводят к практическому применению, поэтому предлагаемые механизмы реализации намеренно просты: горячие линии и боты Telegram, которые могут переключаться на оператора-человека, систематическая регистрация нерешенных случаев и последующие действия до тех пор, пока человек фактически не заполнит заявку или не зарегистрируется. Несколько участников подчеркнули, что информационно-пропагандистская работа не должна заканчиваться на «повышении осведомленности»; она должна заканчиваться на завершении, с оказанием помощи бенефициарам в подаче заявки на месте и регистрацией результатов.

Общественные услуги оказались наиболее универсальной потребностью в информации, но заинтересованные стороны подчеркнули, что «цифровизация» не привела к «доступу» для сельских пользователей, малограмотной аудитории и сообществ с ограниченной связью или устройствами. Оперативное предложение заключается в том, чтобы развивать грамотность в области электронных услуг там, где люди уже бывают — в банках, почтовых отделениях и клиниках — с помощью временных цифровых справочных столов, которые используют пошаговые экраны и поддержку персонала, чтобы провести пользователей через приоритетные порталы. Доступность была рассмотрена как серьезное препятствие, а не второстепенный вопрос, что побудило выработать рекомендации по переговорам о нулевой ставке для основных порталов (MyGov, Tunduk, медицинские рекомендации, юридическая помощь) и предоставлении целевых ваучеров на данные для уязвимых пользователей. Отзывы из Кыргызстана подтвердили, что онлайн-сервисы и государственные чат-боты должны предоставлять четкие, практические ответы, а не общие тексты, в то время как отзывы из Таджикистана подчеркнули, что высокая стоимость данных и перебои в их передаче делают «исключительно онлайн» коммуникацию структурно исключающей.

Недостатки в области инклюзивности были описаны как предсказуемые и устранимые. Заинтересованные стороны неоднократно указывали на нехватку форматов, доступных для людей с инвалидностью, контента на языках меньшинств и руководств по обслуживанию, написанных простым языком, и связывали эти пробелы непосредственно с зависимостью от неформальных сетей, склонных к распространению слухов. Предлагаемый стандарт прост: перевести ключевые законы и процедуры в руководства для граждан с примерами, шагами по обжалованию и печатными контрольными списками на языках меньшинств, а также требовать доступную упаковку — субтитры, адаптированные форматы для людей с нарушениями слуха и зрения и, где это уместно, перевод на язык жестов. Заинтересованные стороны в Таджикистане четко указали на потребности в языковом охвате — таджикский, русский, узбекский, памирский и афганские языки — и настоятельно призвали сделать субтитры и многоязычные материалы стандартной практикой, а не исключением. Аналогичные опасения высказывались в Кыргызстане и Узбекистане, где заинтересованные стороны подчеркнули необходимость упрощения официального языка, чтобы люди могли понимать сообщения без посредников.

Во всем регионе заинтересованные стороны провели четкую грань между борьбой с дезинформацией и криминализацией высказываний. Они охарактеризовали подходы, основанные на жестких мерах по борьбе с «ложной информацией», как высокорисковые, поскольку они могут использоваться для запугивания критиков, не устраняя при этом основные причины дезинформации. Рекомендуемая альтернатива сосредоточена на потенциале и координации: региональный альянс по проверке фактов для обмена ключевыми словами, опровержениями и инструментариями влияния в Telegram и YouTube; регулярное предварительное тестирование сообщений с уязвимыми группами; и требование для всех финансируемых кампаний вести реестр рисков дезинформации, который предвидит вероятные неверные интерпретации, враждебное переосмысление и уязвимости платформы. Заинтересованные стороны из Кыргызстана добавили конкретные меры в области образования — курсы по выявлению фейковых новостей в школах, руководство для государственных органов и школ по эффективной работе с социальными сетями, а также методологию выявления языка ненависти и онлайн-преследований, чтобы избежать произвольных реакций. Заинтересованные стороны из Узбекистана сделали акцент на моделях подготовки тренеров для распространения навыков проверки информации в сообществах и призвали к практическому просвещению общественности по вопросам фишинга и кибермошенничества, отражая масштабы ущерба, который наносит манипулируемый контент.

Восстановление доверия рассматривалось как измеримая практика, а не как коммуникационный лозунг. Заинтересованные стороны утверждали, что исправления, прозрачное указание источников и последовательные публикации «мифы против фактов» по-прежнему редки и неравномерны, и что доверие невозможно восстановить без регулярной и видимой подотчетности. Мнения из Казахстана были необычайно резкими: аудитория должна активно указывать на ошибки СМИ, требовать исправлений и перестать поддерживать ненадежные издания, создавая репутационные последствия для дезинформации. Дополнительные предложения на системном уровне включают вознаграждение СМИ, которые публикуют политику исправлений, маркировку источников и примечания к данным, а также ежемесячные отчеты о качестве обслуживания — объем запросов, время обработки и коэффициент разрешения — чтобы уменьшить спекуляции и показать, функционируют ли учреждения.

Защита производителей информации была названа одним из основных факторов улучшения региональной информационной среды. Журналисты — и все чаще блогеры с большой аудиторией — подвергаются арестам, судебным искам, рейдам, запугиванию и блокировке сайтов, что ведет к самоцензуре и снижает возможности для проведения расследований. Предложенные меры защиты включали создание фондов правовой защиты, внутренние аудиты цифровой безопасности и механизмы экстренного перемещения. Заинтересованные стороны также предложили расширить круг надежных посредников путем установления партнерских отношений с авторитетными блогерами и обучения их процедурам проверки, практикам исправления ошибок и стандартам раскрытия информации, поскольку они часто охватывают аудиторию, недоступную для институциональных каналов.

Наконец, заинтересованные стороны подчеркнули, что доставка информации в отдаленных регионах осуществляется преимущественно местными посредниками и в соответствии с обычными процедурами сообщества, и информационные стратегии терпят неудачу, если они игнорируют эти факторы. Практическая рекомендация заключается в том, чтобы формализовать меморандумы о взаимопонимании между ОГО (организации гражданского общества) и министерствами, чтобы НПО могли отражать официальную информацию, совместно владеть информационными панелями и эскалировать обратную связь с передовой, одновременно требуя от местных

информационно-пропагандистских планов (структуры акимата/махалла/райса и их эквиваленты) указания целевых групп — женщин, инвалидов, мигрантов и меньшинств — каналов и последующих мер после мероприятий. Особенности Узбекистана подкрепляются использованием махалл, школ и мечетей в качестве надежных партнеров доставки информации для обучения цифровой грамотности и проверки, в сочетании с иллюстрированными материалами, подходящими для аудитории с низким уровнем грамотности и ограниченным временем, особенно для женщин. Заинтересованные стороны также подчеркнули продолжающееся влияние айтысов и собраний типа «гап/чайхана» как пространств, где формируются интерпретации сообщества; оперативные последствия заключаются в использовании этих площадок в качестве модерлируемых гражданских форумов, которые преобразуют политику в конкретные действия сообщества, а не оставляют их уязвимыми для каскада слухов.

Во всех рекомендациях прослеживается общая линия — дисциплина реализации: сочетание согласованности каналов (Telegram, короткие видеоролики и радио, где это необходимо), поддержка доступности (нулевой тариф, ваучеры на данные и субсидии на устройства, где это уместно), инклюзивный дизайн (доступность для людей с ограниченными возможностями и на разных языках) и процедуры подотчетности (исправления, оценочные листы и реестры рисков), чтобы достоверная информация могла конкурировать с дезинформацией по скорости, ясности и охвату.

Данный краткий обзор представляет собой сжатый синтез полного отчёта - **"Информационная Среда в Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан"** - и, соответственно, не может отразить все характеристики и нюансы информационной среды региона. В нём представлены ключевые межстрановые выводы и приоритетные рекомендации. Для получения полной картины читателям рекомендуется обратиться к полному отчёту, включая подробное описание методологии, перечень источников, ограничения исследования и анализ по каждой стране.

Данный отчет подготовлен при финансовой поддержке Европейского союза. Ответственность за содержание отчета несет исключительно CFI, и ни при каких обстоятельствах он не может рассматриваться как отражение позиции Европейского союза.